Письменные памятники Востока. 2022. Том 19. № 3 (вып. 50). С. 77–87

«Суждение о том, что бесов не бывает» Ли Сянь-миня[1]

И.А. АЛИМОВ
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO109104

Статья поступила в редакцию 04.07.2022.

Аннотация: Данная публикация представляет читателю одну из самых оригинальных новелл из сборника «Юнь чжай гуан лу» 雲齋廣錄 («Обширные записи из облачного кабинета») Ли Сянь-миня 李獻民 (ум. после 1111) — «У гуй лунь» 無鬼論 («Суждение о том, что бесов не бывает»). Перевод новеллы на русский язык предваряют основные сведения об авторе и его сборнике.

Ключевые слова: Старая китайская проза, Ли Сянь-минь, «Обширные записи из облачного кабинета», история *сяошо*.

Для цитирования: *Алимов И.А.* «Суждение о том, что бесов не бывает» Ли Сянь-миня // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 3 (вып. 50). С. 77–87. DOI: 10.55512/WMO109104.

Об авторе: АЛИМОВ Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН (Санкт-Петербург, Россия) (alimov@pvost.org). ORCID: 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И.А., 2022.

Сведений о Ли Сянь-мине практически не сохранилось: мы знаем, что он был родом из столичной области, а также водил дружбу с известным сунским поэтом Ван Тин-гуем 王庭珪 (1079–1172). Первое упоминание сборника «Юнь чжай гуан лу» 雲齋廣錄 содержится в книге *бицзи* «Шао ши вэнь цзянь хоу лу» 邵氏聞見後錄 («Последующие записи того, что слышал и видел господин Шао») Шао Бо 邵博 (ум. 1158) в связи с новеллой «Си шу и юй» 西蜀異遇 («Удивительная встреча в Западном Шу»). Можно считать, что ко времени написания «Последующих записей»,

[1] Данная работа продолжает серию моих публикаций по истории китайской прозы *сяошо* I–XIII вв. (Алимов 2014; 2017; 2018; 2019; 2021).

т.е. к 1157 г., сборник Ли Сянь-миня был уже достаточно популярен. Наиболее распространенным списком «Юнь чжай гуан лу» является вариант, в котором восемь *цзюаней* основного текста и одна *цзюань* продолжения; именно он лег в основу современных критических текстов. Девять *цзюаней* объединяют 57 фрагментов[2], а также авторское предисловие, из которого явствует, что сборник был датирован самим автором 1111 г. и что при создании «Юнь чжай гуан лу» Ли Сянь-минь ориентировался на образцы танской прозы *сяошо*, в том числе новеллы *чуаньци*. В основу сборника легли впечатления от занимательных историй, услышанных от людей, к которым Ли Сянь-минь относился с уважением, и это как минимум свидетельствует о распространенности подобных историй в сунское время. В любом случае, по собственному утверждению Ли Сянь-миня, сюжеты новы и оригинальны, не повторяют старых, хотя и стремятся к ним в части совершенства формы, присущего танским *сяошо*. Цель создания «Юнь чжай гуан лу» задекларирована автором достаточно ясно: сборник должен послужить развлекательным и занимательным чтением и предметом обсуждения, к примеру, в кругу приятелей за чашей вина.

Существуют различные точки зрения на авторство Ли Сянь-миня: неясно, принадлежат ли ему все фрагменты «Юнь чжай гуан лу» или же он был в основном составителем. Есть вполне обоснованное мнение, что Ли Сянь-минь выступал как раз во втором качестве. В предисловии к сборнику он написал, что «свел вместе и сделал сборник» (編而成集), что можно рассматривать как убедительное свидетельство. В тексте «Юнь чжай гуан лу» есть как минимум один фрагмент, «Ин ин чжуань» 盈盈傳 («История Ин-ин»), авторство которого определяется косвенным образом, и это не Ли Сянь-минь, но Ван Шань 王山 (XI в.), автор утерянного сборника *сяошо* «Би лянь лу» 筆奩錄 («Записи у футляра для кистей»). Не исключено, что со временем исследователи смогут идентифицировать и другие источники заимствований. Гипотетически можно принять, что «Юнь чжай гуан лу» — компиляция чужих текстов без указания имен авторов (ведь и имя Ван Шаня не названо Ли Сянь-минем), но никаких подтверждений этой гипотезе пока что нет.

Все фрагменты сборника имеют заголовки — от двух до пяти иероглифов: это или имена главных действующих лиц, например, «Фань Вэнь чжэн гун» 范文正公 («Покойный господин Фань Вэнь-чжэн), или тематические названия, как «Ганьлин и ши» 甘陵異事 («Странное происшествие в Ганьлине») и т.п. Несколько фрагментов содержат авторские резюме, два из них начинаются со слов *пин юэ* 評曰 («оценю это так»).

Хронология событий отдельных фрагментов обычно или указана прямо — со ссылкой на конкретный год конкретного девиза правления (иногда даже на месяц), или же восстанавливается косвенным путем, исходя из событий в жизни того или иного исторического персонажа. Подавляющее большинство описываемых в «Юнь чжай гуан лу» событий происходит в северосунское время; самая последняя названная в тексте дата — 1103 г.

[2] Для целей данного исследования под фрагментом понимается законченный текст, выступающий как единица низшей литературной номенклатуры, завершенный в сюжетном/смысловом/эмоциональном смысле и — вне зависимости от жанровой принадлежности (в составе одного собрания это могут быть и рассказ, и новелла, и заметка, и рассуждение о стихах, и исторический анекдот, и др.). Фрагмент может быть озаглавлен (автором или последующими обработчиками текста), а может не иметь заглавия; он весьма вариативен по размеру — от нескольких строк до десятков страниц.

Весь материал в «Юнь чжай гуан лу» — сунский; он организован автором по тематическим разделам, что нашло отражение в названиях *цзюаней*. Таких разделов шесть:

1) «Ши линь цин хуа» 士林清話 («Чистые беседы сонма ученых», цз. 1), здесь 12 коротких фрагментов, посвященных 12 известным сунским ученым мужам, это примечательные или необычные случаи из их жизни;

2) «Ши хуа лу» 詩話錄 («Записи рассуждений о стихах», цз. 2 и 3), в них, соответственно, 15 и 13 фрагментов, они еще менее значительны по объему, а содержание их типично для *шихуа* (история появления тех или иных поэтических строк, их смысл, возникающие вокруг них ассоциации и т.п.);

3) «Лин гуай синь шо» 靈怪新說 («Новые рассказы о духах и нечисти», цз. 4), здесь два фрагмента — это новеллы *чуаньци*;

4) «Ли цин синь шо шан» 麗情新說上 («Новые рассказы о прекрасных чувствах. Часть первая», цз. 5), здесь также две новеллы *чуаньци*, в том числе самая крупная в сборнике — «Си шу и юй», более 3 300 иероглифов; «Ли цин синь шо ся» 麗情新說下 («Новые рассказы о прекрасных чувствах. Часть вторая», цз. 6), три фрагмента, первые два — новеллы *чуаньци*, третий же представляет собой поэму в 128 семисловных строк с кратким предисловием;

5) «Ци и синь шо» 奇異新說 («Новые рассказы об удивительном и странном», цз. 7), здесь четыре новеллы *чуаньци*, в том числе и «У гуй лунь»;

6) «Шэнь сянь синь шо» 神仙新說 («Новые рассказы о божественных бессмертных», цз. 8), здесь две новеллы *чуаньци*, которые в части художественности и занимательности не идут ни в какое сравнение с новеллами предыдущих разделов.

9-я *цзюань* названия не имеет и включает «Ин ин чжуань», а также поэму, обращенную к Ин-ин.

Можно утверждать, что самый ценный материал (13 новелл *чуаньци* сунского времени) содержится в цз. 4–9 «Юнь чжай гуан лу», и именно эти *цзюани* при обращении к данному сборнику должны в первую очередь привлекать внимание историка китайской прозы *сяошо*[3].

Новеллы Ли Сянь-миня отличаются как богатством содержания, так и подробными и красочными описаниями. Многие *чуаньци* из «Юнь чжай гуан лу» рассказывают о любовной связи главных героев, важным художественным приемом здесь выступают стихотворные вставки — в этом смысле Ли Сянь-минь продолжает традицию танских новелл. В ряде текстов он идет много дальше: его новеллы — достаточно сложные конструкции, включающие не только стихи, но и письма героев и даже поминальное слово. Особую роль в новеллах играют сны — в качестве художественного приема они задействованы в восьми *чуаньци* из тринадцати, в танских же новеллах мотив жизни-сна обычно звучал не столь часто. Поэтому многочисленность снов также следует причислить к отличительным особенностям «Юнь чжай гуан лу». Сны в сборнике весьма разнообразны: либо краткие сновидения, либо сон с продолжениями, который состоит из нескольких последовательных сновидений (и ни главный герой, ни читатель до самого конца не знают, происходит ли дело во сне или наяву), — для сунской прозы это редкий пример. Перевод самой интересной новеллы такого рода — «У гуй лунь» — и будет дан ниже.

[3] Подробнее о сборнике Ли Сянь-миня см. (Алимов 2021: 381–422).

В тексте новеллы почти две с половиной тысячи иероглифов, в том числе три семисловных четверостишия. Она состоит из введения, завязки, четырех эпизодов, развязки, своеобразного дополнения и ремарки Ли Сянь-миня. Это крайне своеобразная в композиционном отношении вариация жизни-сна, насланного душами умерших в назидание за неверие в то, что они существуют. Фактически все действие новеллы происходит во сне. Главный герой постоянно делает попытки отличить сон от яви, подозревая, что в очередной раз проваливается в сновидение, но с каждым разом это получается у него все хуже. И читатель, как и главный герой, отнюдь не уверен, в какой реальности происходят описываемые события. И в этом смысле данная новелла существенно отличается от лучших танских текстов, где иллюзорность происходящего обозначена совершенно определенно. Можно сказать, в «У гуй лунь» тема жизни-сна выходит на новый художественный уровень, а саму новеллу следует признать выдающимся образцом сунской прозы[4].

Суждение о том, что бесов не бывает

Цзиньши Хуан Су, второе имя Цзин-чжи, был родом из Лунъю. Человек твердый и принципиальный, даже дерзко-отважный, он более десяти лет, что называется, «спотыкался на экзаменационном дворе» и, однако, ни на йоту не пал духом.

— Я не прошел экзамены, так что ж! — говорил он. — Однажды я встречу того, кто, как говорится, «понимает звуки музыки», непременно одержу победу и, что называется, «прямиком устремлюсь к синим облакам», сделаю головокружительную карьеру и обязательно воздам благодетелям и врагам! Вот чего желает достойный ученый муж! Ну а та бедность, в которой я пребываю ныне, — дело сугубо временное.

Жены и детей у Хуана не было. Он уже довольно долго жил в столице и, пресытившись городской суетой, решил перебраться в Бацзяодянь, что к западу от города, и жить там преподаванием.

Однажды Хуан сказал своим ученикам:

— Конфуций не говорил ни об удивительном, ни о физической силе, ни о хаосе, ни о духах. Как прямой человек и достойный ученый муж, я не смею изменять учению совершенномудрого и тоже не говорю обо всем этом. И дабы развеять ходящие по Поднебесной заблуждения, я напишу «Суждение о том, что бесов не бывает»!

Приближался Праздник чистого света, и все ученики разошлись по домам. У Хуана появилось свободное время, и он, напитав кисть тушью, предался размышлениям, уже совсем было начал писать, как вдруг распахнулась дверь и вошел человек — весьма возбужденный. Обеспокоенный Хуан взглянул на него — а это какой-то слуга! Он спросил слугу, в чем дело.

— У моего хозяина есть два сына, оба юные, — стал объяснять слуга. — Узнав, что вы, наставник, теперь живете здесь, хозяин хотел бы отдать их вам в обучение, вот я и примчался за вами!

— А какова фамилия твоего хозяина? — спросил Хуан.

— Сановник Ван! — был ответ. — Отсюда до его дома всего-то несколько *ли*. Простите за беспокойство, господин!

[4] Перевод выполнен по изд. (Ли Сянь-минь 1997: 48–52).

Хуан, рассудив, что те детишки, которых он натаскивал, некоторое время могут позаниматься и сами, надел шапку, пояс и отправился следом за слугой.

Через несколько *ли* они действительно вышли к большому поместью, опоясанному каналом и обсаженному бамбуком и другими деревьями. Спереди была устроена огороженная площадка, а позади — фруктовый сад, весь в буйной зелени. Воистину покойное место!

Слуга привел Хуана в павильон для гостей, сказал:

— Подождите здесь, а я схожу доложу.

Вернулся он довольно скоро.

— Сановник просит вас к себе!

Хуан вошел в дом, видит — перед ним человек в пурпурном халате и изукрашенном золотом поясе, вида очень внушительного. Пригласив Хуана садиться — манеры у хозяина оказались весьма изысканные, и приветливость его была весьма похвальна! — сановник сказал:

— Я живу в деревенской расслабленности. Выезжать куда-либо потерял желание, а оттого ожидал вашего, наставник, визита, сидя здесь. Вы уж не сочтите за обиду!

— Я всего лишь нищий и тупой книжник и, когда вы удостоили меня милостивым призывом, почел за счастье явиться к вам! — отвечал Хуан.

Сановник велел слуге принести чай и продолжил:

— У меня есть два сына, бестолковые и глупые. Я хотел было послать их к вам в обучение, да обеспокоила меня дальняя дорога. Не сочтите за пренебрежение, но я осмелюсь просить вас остаться в моем скромном жилище, чтобы наставлять их здесь. Каково будет ваше уважаемое мнение на сей счет? Что касается расходов, то, хоть дом мой и беден, я приложу все силы, чтобы вы совершенно ни в чем не нуждались.

— Боюсь, я уже растерял свои познания и смогу научить лишь грубо, поверхностно. У меня не получится стать примером детям и образцом для подражания, — отвечал Хуан. — Если вам, господин, подходит такое, то я хотел бы приложить все силы, не осмелился бы противиться вашей воле.

Тогда сановник велел позвать сыновей, чтобы те поприветствовали учителя. Хуан увидел двух мальчиков: свисающие детские челки, вид независимо-гордый — совершенно не похожи на обычных детей!

Когда дети ушли, сановник сказал:

— Ну, наставник, вы пока можете возвращаться к себе. А завтра — завтра очень благоприятный день, и я пришлю за вами человека.

Хуан распрощался, и сановник проводил его до ворот.

Хуан пошел прежней дорогой назад, вскоре добрался до своего дома... — и тут вдруг очнулся: всё это было во сне!

— Только я сел писать «Суждение о том, что бесов не бывает», а тут такой сон! — покачал головой Хуан. — Насколько же удивительно! Я считаю случившееся вымороочным сновидением, но путь, который я проделал, люди, с которыми повстречался, — все это ясно стоит перед глазами. То, как меня принимали, о чем мы беседовали, — я помню совершенно отчетливо!.. Сановник сказал, что назавтра пришлет человека, чтобы я перебрался к нему частным учителем, вот и подождем. Посмотрим, что будет.

На другой день Хуан встал с постели и, когда солнце поднялось уже достаточно высоко, чинно и с самым серьезным видом уселся дожидаться посланца. Спустя довольно долгое время слуга действительно явился.

— Сановник просит наставника пожаловать в новое домашнее училище! — сказал он.

Слуга тот Хуану был хорошо знаком. «Я сидел в ожидании и глаз ни на миг не смыкал, — рассудил он про себя. — Значит, это не может быть сон».

И последовал за слугой.

Пришли в то же самое место, которое Хуан посещал вчера, и он, подозревая, что все же спит, остановился в нерешительности у входа. Оглянулся, посмотрел внимательно — залитое солнцем поле, ярко зеленеют пышные колосья... Точно — не сон!

Слуга стал поторапливать Хуана войти, а тут и сановник вышел навстречу, спросив:

— Хорошо ли прошла ночь?

Провел Хуана по восточной галерее в небольшую комнату, а там уж были расставлены чарки для вина и прочая посуда, рядами стояли рыбные и мясные блюда. Сановник пригласил Хуана садиться. Появились две служанки, стали обносить их вином. Хуан взглянул на них внимательно — удивительные красавицы!

Вино обошло присутствующих уже четырежды, а Хуан все сидел молча, обуреваемый подозрениями: ни слова не произнес, ни чарки не выпил.

— Наставник, вы безмолвствуете, ни разу не улыбнулись, — сказал ему сановник. — Невеселое у нас застолье. Что же нам делать?

И велел одной служанке петь под аккомпанемент кастаньет, а другой взять кувшин с вином и попотчевать Хуана. Тогда уж тот не смог отказаться и выпил несколько чарок.

Затем сановник велел служанкам упросить Хуана сложить стихи. Хуан стал отнекиваться — безуспешно. Пришлось взяться за кисть.

Добродетельный хозяин так сочувствует талантам!
Повелел служанкам гостю наливать в огромный кубок.
Но не надо удивляться, что молчит тот, не смеется, —
Просто гость подозревает, что заснул и сон лишь видит.

Прочитав стихи, сановник рассмеялся:

— Да разве вам, наставник, неизвестно, что однажды вас посетит прозрение и все без исключения события, происходившие с вами в бренном мире, будут казаться лишь сном? К чему эти сомнения!

И велел служанке налить Хуану еще несколько чарок вина. Потом неторопливо продолжал:

— У меня есть дочь, и я горячо ее люблю. Она только-только достигла возраста взрослой прически, но пока что пары ей не нашлось, хотя я выбирал среди многих людей, но так трудно найти подходящего! Однако я вижу, что вы, мой господин, обладаете выдающимися манерами, поведение ваше безупречно, обширности ваших познаний довольно, чтобы быть наставником для других, а поступки ваши таковы, что могут стать для людей примером, — воистину вы достойный человек! И, если вы не погнушаетесь ничтожностью моего дома и захудалостью рода, я бы доверил вам дочь, чтобы, как говорится, держала при вас совок и метелку и прислуживала с полотенцем и гребнем, — вот тогда можно было бы сказать, что моя дочь обрела мужа! Согласитесь ли вы, господин?

В полном замешательстве Хуан не знал, что ответить.

— Неужели вы, господин, подозреваете, будто моя дочь настолько уродлива, что не может составить вам пару? — спросил тогда сановник. И велел служанкам привести девушку.

Хуан окинул ее взором: пышные волосы вздымаются, словно горы, зрачки мерцают, будто звезды в струящейся воде, благоухающие щеки светятся, что молоко — она точно грациозный нежный лотос на осенней реке, движения ее изящны, ровно у ласточки, парящей в рассветной дымке! Девушка взглянула на Хуана так располагающе, что ее милая застенчивость тут же запала ему в душу. Затем встала в сторонке так, словно одежды ей были невыносимо тяжелы. Сердце у Хуана забилось, душа улетела, и он с трудом овладел собой.

— Я всегда высоко ценил свою дочь, — сказал сановник. — Хотел выдать ее замуж за знатного человека, но этим планам сбыться оказалось не суждено. Кому, как не вам, столь многознающему и многоталантливому, могу я вручить ее? И, если вы выберете ее в жены, обузой она вам точно не станет. Так что же?

— Почтительно последую вашему совету! — отвечал Хуан.

Служанки увели девушку.

— Ну что ж! — обратился тогда сановник к домашним. — Надо позвать матушку, пусть будет свахой.

Вскоре появилась матушка — в белой одежде, подпоясанная простым платком, седые волосы падают на сгорбленную спину. Остановилась перед сановником.

— Я собираюсь выдать дочь замуж, — сказал ей сановник. — Не станешь ли свахой?

— Всегда этого хотела! — отвечала матушка, перевела взгляд на Хуана. — А это не жених ли?

— Точно он, — кивнул сановник.

Матушка вышла и принесла темно-красный мешочек с благовониями, весь изукрашенный изображениями личинок цикад, работы чрезвычайно искусной, и с улыбкой вручила его Хуану:

— Примите как дар на помолвку!

— Через три дня настанет вполне благоприятный срок для свадебной церемонии, — сообщил сановник. И вручил Хуану в подарок написанные на цветной бумаге стихи. Они гласили:

Настороже вы были за вином. Не надо подозрений!
За сотни лет ведь свет и тьма встречались столько раз!
Мешочек сей приняв и в дом свой воротившись,
Поймете вы, сколь велико расположенье наше к вам!

Хуан поблагодарил, хотя и не понял смысла стихов.

День клонился к закату. Пир подошел к концу, и матушка сказала:

— Жениху пора возвращаться домой! А как подойдет назначенный срок, мы пришлем повозку за вами, господин, дабы вы прибыли породниться с нами.

Хуан стал прощаться.

— Я опьянел и не в силах проводить вас, — сказал ему сановник. — Не сочтите это за обиду!

Хуан, тоже пьяный, все же нашел дорогу домой, а дома внезапно понял, что случившееся вновь было сном. Он очень удивился, ведь и винный дух еще не рассеялся, и мешочек с благовониями пребывал у него за пазухой!

Через два дня после этого Хуан, продекламировав по памяти написанные сановником строки, сказал со вздохом:

— Каждый раз, как я читал в «Комментарии Цзо» о том, как цзиньский Ху Ту столкнулся с душой умершего наследника трона, а Бо-ю, став бесом после смерти, убил Гунсунь Дуаня, я не воспринимал всерьез все эти россказни о душах умерших, полагая, что господин Цзо здесь приукрасил, и уж если и есть где недостоверность, так именно в подобных историях. А ныне я самолично столкнулся с тем же самым, и уж теперь-то верю, что записи господина Цзо вовсе не пустые слова!

На третий день, едва Хуан встал с постели и умылся, до него донеслись скрип повозки, ржание лошадей и гомон сопровождающих их слуг. Хуан вспомнил об условленном сроке — и тотчас раздался стук в дверь. Хуан затаился, не осмеливаясь подать голос.

— Сановник Ван прислал людей за женихом! — раздался крик снаружи. — Поскорее собирайтесь, а то сановник может рассердиться за опоздание!

Кричали снова и снова.

Хуану пришлось открыть дверь, и он увидел слуг в новой праздничной одежде и в украшенных цветами шапках. Словно пестрый ковер они заполнили всю улицу перед воротами. Впереди стояла матушка-сваха.

— Время пришло! — сказала она Хуану. — Надо спешить.

Велела слугам подвести коня — с седлом, обтянутым обезьяньей кожей, с золотой уздой, с нефритовыми стременами, с изукрашенной цветами подпругой и с роскошной попоной.

Хуан подобрал полы одежды и забрался в седло. Слуги закричали очистить дорогу, а другие, держа в руках свадебные дары, окружили жениха на лошади — и все двинулись вперед.

Добрались словно долетели, миг — и уже на месте!

Хуан вошел в двери и увидел безукоризненно чистый двор, украшенный с великолепным изяществом, где рядами выстроились музыканты и певички. Сановник пригласил гостя садиться за пиршественный стол — и полилось вино, началось веселье.

Ближе к вечеру пришла служанка и позвала Хуана в дом для завершения церемонии. Хуан поднялся с циновки и, ведомый двумя девушками, зашел в комнату — там праздничные свечи бросали красные отблески на стены, струился ароматный дым из курильницы, блеск жемчуга на пологах слепил глаза... Хуан подумал, что ни среди людей, ни на небесах нет ничего прекраснее.

Сопровождавшие окружили новобрачных, вручили им узел единства сердец, те, держа его, отпили вина и обменялись чашами — церемония прошла совершенно так, как это и бывает обычно. И вот опустился красный брачный полог, а за ним уж было приготовлено ложе, и новобрачные слились на нем подобно однокрылым птицам, что могут лететь только вместе, соединились, будто ветви и корни переплелись натесно. В глубокой ночной тишине — под стеганым одеялом, на покойном изголовье — как говорится, «желание дождика и чувства тучки» описать просто невозможно!

На рассвете матушка поторопила Хуана подняться, чтобы поблагодарить родню молодой жены, и все стали поздравлять друг друга.

Сановник оставил Хуана жить у себя. Тот был в восторге от обретенной жены, чувства молодых стали так глубоки, что они не расставались ни на миг — дни проводили в прогулках, а вечера в пирушках.

Хуан прожил в усадьбе больше месяца, как однажды сановник вдруг сказал ему:

— Недавно я удостоился высочайшего приказа занять пост управителя Тиннани, и поэтому мне нужно отправляться в путь безо всякого промедления. Я теперь с утра до вечера готовлюсь к отъезду, и, откровенно говоря, вы со мной поехать не сможете. Дочь же моя — она своевольно-неразумная, и мне трудно будет оставить ее здесь, поэтому я заберу дочь с собой. Вы же, пожалуйста, возвращайтесь покуда к себе, обождите, пока я не вступлю в должность, а уж тогда на следующий год к Празднику чистого света я пришлю за вами солдат. Что скажете?

— Если такова ваша воля, как смею я противиться? — отвечал Хуан. — Я буду жить в спокойном ожидании.

По случаю своего отъезда сановник устроил большой пир, позвал много гостей. А когда спустилась ночь и гости разошлись, жена Хуана велела служанкам вновь расставить посуду и принести в их спальню вино, чтобы попрощаться. Лицо ее было омрачено тоской-печалью, от горя склонился к земле ароматный цветок.

— Мне, некрасивой и неотесанной, посчастливилось обрести опору до конца дней моих в вас, благородный муж! — сказала Хуану жена. — А теперь нужно ехать на юг, и мы расстаемся на год! Счастливые наши дни сменят холодное изголовье и одинокая постель — как пережить все это?

Договорила и заплакала. Хуан тоже задыхался от слез.

— Я всю жизнь проводила досуг за женской работой, — снова заговорила жена. — Но больше прочего люблю читать книги, а что до стихов, то кое-как выучилась слагать нечто похожее. Завтра мне предстоит отбыть в дальнюю даль, боль расставания переполняет меня, и как же ее трудно выразить словами! Я сложила небольшое стихотворение, в котором излила свои мысли, — выражения тут вульгарные, смысл передан неумело, вы уж не смейтесь надо мной!

Она достала стихи и показала Хуану. Стихи гласили:

Мы расстаемся так поспешно, велика печаль...
Я знаю: не заставит ждать свиданье наше.
Как воцарятся желтая пятнистость и зеленый заяц,
То рыжий всадник прилетит, топча опавшие цветы!

Хуан прочитал стихи, и у него от горя перехватило дыхание.

Отправились спать.

Лишь забрезжил рассвет, а у сановника уж были наготове повозка и лошадь — велел отвезти Хуана домой. Тот попрощался с женой, а также с сановником, прибыл домой — и дома опять понял, что это был лишь только сон!

Тогда Хуан рассказал всю эту историю своему приятелю Хэ Гао, пересказал и стихи жены. Тот долго вздыхал в удивлении. Смысл стихов им до конца так и не удалось понять.

Прошел год, настал Праздник чистого света — и тут Хуан скоропостижно скончался.

Тогда только Гао осенило: в стихах жены Хуана было сокрыто время его смерти — год, луна и день, в совершенной точности! Когда Хуан только встретил жену, был год под циклическими знаками *дин-чоу* девиза правления Шао-шэн (1097), а умер Хуан в год под циклическими знаками *у-инь* девиза правления Юань-фу (1098). В стихах было сказано: «Как воцарятся желтая пятнистость и зеленый заяц». «Желтая пятнистость» здесь — это желтый тигр, циклический знак *у* относится к желтому цвету, а циклический знак *инь* относится к тигру, значит, все вместе означа-

ет год под циклическими знаками *у-инь*. «Зеленый заяц» же — это циклический знак *и*, цвет которого зеленый, и циклический знак *мао*, относящийся к зайцу, значит, все вместе означает луну под знаками *и-мао*. То есть речь идет о второй луне года *у-инь*, которая будет под знаками *и-мао*! Еще в стихах говорилось: «Рыжий всадник прилетит, топча опавшие цветы». «Рыжий всадник» — это красная лошадь, цвет циклического знака *бин* красный, знак *у* относится к лошади, и все вместе это указывает на день под циклическими знаками *бин-у*. Хуан распростился с миром в двадцать седьмой день второй луны года *у-инь*, а это и был день *бин-у*, как раз начало Праздника чистого света! «Топча опавшие цветы» — тут подразумевается смерть. Сколь же удивительно!

Второе имя Хэ Гао было Тан-чэнь, он происходил из земель, что к северу от Хуан-хэ. Человек пытливого ума, свободно-вольный, на мелочи внимания не обращающий, он состоял с Хуаном в тесных дружеских отношениях. Гао поведал мне эту историю от начала и до конца, а я ее записал.

Литература

Алимов 2014 — *Алимов И.А.* Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.

Алимов 2017 — *Алимов И.А.* Записи о сокровенных чудесах: Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017.

Алимов 2018 — *Алимов И.А.* Девушка с озера Сиху: Хун Май и его сборник «Записи И-цзяня». СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018.

Алимов 2019 — *Алимов И.А.* Записки о Сяо-лянь: Лю Фу и его сборник «Высокие суждения у дворцовых ворот». СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019.

Алимов 2021 — *Алимов И.А.* Облачный кабинет: Краткая история китайской прозы сяошо об удивительном X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021.

Ли Сянь-минь 1997 — *Ли Сянь-минь* 李獻民. Юнь чжай гуан лу 雲齋廣錄 (Обширные записи из облачного кабинета). *Уминши* 無名氏. Юань чжу чжи юй сюэ чуан тань и 鴛渚志餘雪窗談異 (Неизвестный автор. Записи с отмели уток-мандаринок, или Беседы о странном в отсвете снега в окне). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1997.

References

Alimov, Igor A. *Sad udivitel'nogo: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy* siaoshuo *I–VI vv.* [The Garden of the Marvelous: A Concise History of the 1st–6th Century Chinese *Xiaoshuo* Prose]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014 (in Russian).

Alimov, Igor A. *Zapisi o sokrovennykh chudesakh: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy* siaoshuo *VII–X vv.* [The Notes of Innermost Miracles: A Concise History of the 7th–10th Century Chinese *Xiaoshuo* Prose]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017 (in Russian).

Alimov, Igor A. *Devushka s ozera Sikhu: Hun Mai i ego sbornik "Zapisi I-dziania"* [The Girl from Xihu Lake: Hong Mai and His Collection "Yi jian zhi"]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2018 (in Russian).

Alimov, Igor A. *Zapiski o Siao-lian: Liu Fu i ego sbornik "Vysokie suzhdeniia u dvortsovykh vorot"* [Notes on Xiao-lian: Liu Fu and His Collection "Lofty Judgements by the Palace Gate"]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019 (in Russian).

Alimov, Igor A. *Oblachnyi kabinet: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy* siaoshuo *ob udivitel'nom X–XIII vv.* [The Cloudy Parlor: A Concise History of the 10th–13th Century Chinese Supernatural

Xiaoshuo Prose]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021 (in Russian).
Li Xian-min 李獻民. *Yun zhai guang lu* 雲齋廣錄. Wumingshi 無名氏. *Yuan zhu zhi yu xue chuang tan yi* 鴛渚志餘雪窗談異. Beijing: Zhonghua shuju, 1997 (in Chinese).

"The Judgment That There are No Demons" by Li Xian-min

Igor A. ALIMOV
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received on 04.07.2022.

Abstract: The publication introduces the reader to one of the most original novels from the collection *Extensive Records from the Cloud Office* (*Yun zhai guang lu* 雲齋廣錄) by Li Xian-min 李獻民 (? — after 1111) — "The Judgment That There are No Demons" ("Wu gui lun" 無鬼論). The translation of the novel into Russian is preceded by basic information about the author and his collection.

Key words: old Chinese narrative, Li Xian-min, "The Judgment That There are No Demons", *xiaoshuo* prose.

For citation: Alimov, Igor A. " 'The Judgment that there are no Demons' by Li Xian-min". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 3 (iss. 50), pp. 77–87 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO109104.

About the author: Igor A. ALIMOV, Ph.D. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@pvost.org). ORCID: 0000-0002-3235-8459.